

Санкт-Петербургский государственный университет

***К ФЕНОМЕНОЛОГИИ САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И
ТВОРЧЕСКОМ ЭНТУЗИАЗМЕ***

Выпускная квалификационная работа по направлению подготовки 47.06.01 «Философия,
этика и религиоведение»

Основная образовательная программа МК.3051.2015 «Философия, этика и
религиоведение»

Исполнитель
Аленевский И.А,

Научный руководитель
д.филос.н., профессор
Савчук В.В.

Рецензент
к.филос.н., ассистент
Яковлева Л.Ю.

Санкт-Петербург

2018

Содержани

Введение.....	3
Глава 1 Философские тезисы о воле.....	11
Глава 2 К феноменологии самопожертвования в политическом и..... творческом энтузиазме.....	18
Заключение.....	30
Список использованной литературы.....	33

Введение

Актуальность исследования.

К философским вопросам, поиск решения которых конституирует мировоззрение, по праву следует отнести вопрос о самопожертвовании, который так или иначе, но встает перед каждым человеком. Движущие страсти, воспитанные установки, воспринятые в процессе социализации, могущие спонтанно сработать в определенный жизненный момент, обретенные убеждения, идеи фикс – условия, что отставляют в сторону философское решение вопроса, заменяя его непосредственными действиями, когда человек жертвует собой. «Они верят, что они умирают за Класс, а умирают за партийных лидеров. Они верят, что они умирают за Отечество, а умирают за Промышленников. Они верят, что они умирают за свободу Личности, а умирают за Свободу дивидендов. Они верят, что они умирают за Пролетариат, а умирают за его Бюрократию. Они верят, что они умирают по приказу Государства, а умирают за деньги, которые владеют Государством. Они верят, что они умирают за нацию, а умирают за бандитов, затыкающих ей рот. Они верят — но зачем верить в такой тьме? Верить, чтобы умирать? — когда все дело в том, чтобы учиться жить?»¹. Так сегодня именем самопожертвования завладевает государство, побуждая к принесению ему все новых жертв ради благополучия тех, кто находится у власти (Г. Маркузе). Принесенная жертва включается в прибавочную стоимость капиталистического способа производства. Актуализация вопроса о самопожертвовании с философских позиций обращает к проблеме выбора и воли, что способна противостоять логике невольной жертвы и становится практической основой мировоззрения.

---

¹ Цит. по Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: «REFL-book», 1994. – С. 272.

Настоящее исследование посвящено актуализации в качестве философского, вопроса о самопожертвовании, ставящего на кон жизнь человека. Для современного философского дискурса представляется возможным ввести в оборот формулу воли к самопожертвованию. Эта воля проявляется уже тогда, когда ставится данный вопрос перед собой, с одной стороны, и когда человек уже жертвует собой, совершая, таким образом, главный свой поступок, - с другой. Актуальность вопроса связана с тем, что с феноменом жертвы возможно снова обратиться к описанию воли и базовому условию ее проявления – наличию цели. Готовность к самопожертвованию означает, что поставленная цель имеет высшую ценность для человека, которую он разделяет с другими в своем бытии. Но в отказе от самопожертвования также могут срабатывать ключевые установки сознания человека, полагающие невозможность отказа от себя. Складывается философия самопожертвования: поставленная цель говорит самопожертвованию «да», действующие установки – «нет». Через понятия цели и установки исследователь сталкивается с проблемой воли, для которой теперь феноменом жертвы раскрыт новый путь ее осмысления. Философский вопрос о воле к самопожертвованию скрепляет два понятия в их духовное единство или, напротив, в противоборство, когда обретенное содержание установок оказывается мощнее и убедительнее ценности самого поступка при совершении конституирующего для человека выбора, если он признает невозможным отказаться от себя.

Степень разработанности проблемы.

В рамках христианства и практики восточно-христианской аскезы воля к самопожертвованию предстает не чем иным, как подвигом, который должен совершить человек (подвижник), достигнув обожения в молитвенном общении со Христом, в стяжании благодати Святого Духа. Таково ядро христианства – практика исихазма, определяющая тринитарную идентичность (С.С. Хоружий) человека в приобщении его к Божественной Личности. О самом самопожертвовании Христос говорит так: «Верно слово:

откажитесь от себя, будьте как дети. Без этого нет вам царства Небесного» (Евангелие от Матфея 18:3). Непосредственно подвиг предстает уходом из мира, отрешением от общества и обращением к реализации одной единственной связи с Богом, для чего исихастской традицией был сформирован органон, который включает в себя духовное прохождение Лествицы, что означает цельное преобразование человека.

Строго сформированное в рамках религии понятие подвига в пределах нерелигиозного мира находится в свободном обращении со своим смыслом, когда речь идет о подвиге ученого, сделавшего открытие или народном подвиге освобождения, личном подвиге и т.д. Таким образом, поставленный вопрос о воле к самопожертвованию обращает к философской концептуализации понятия подвига, смысл которого мог бы выходить за пределы религии также как мировоззренческий вопрос. Самопожертвование, знаменующее предельную вовлеченность и преданность человека своему пути, своим главным настроем может иметь энтузиазм (боговдохновение). Триада воля-подвиг-энтузиазм обращает к тому, что есть самопожертвование. Этот вопрос уместно назвать феноменологией самопожертвования, являющейся предметом настоящей работы.

Важными в теме жертвы и насилия являются исследования Рене Жирара, раскрывающего логику принесения жертвы через феномен миметического желания. Его суть состоит в эскалации насилия враждующих сторон, имеющих целью один и тот же объект. Принесенная жертва (козел отпущения) устраняет насилие в обществе вплоть до требования и принесения новой жертвы. Современный опыт эскалации насилия по отношению народов друг к другу подтверждает выводы Жирара, затрагивающие самую суть происходящих политических событий. К трактовкам жертвоприношения также следует отнести работы Ж. Батая, Д. Дюркгейма, Э. Кассирера, М. Мосса, Ж. Рудхарди, Р. Смита, Э.Б. Тайлора, А. Фестюжера, М. Элиаде, К. Юбера.

Актуальным исследованием феномена воли сегодня является книга Ханны Арендт «Жизнь ума». В ней Арендт рассматривает волю как способность ума, «ментальный орган для будущего», феномен воли раскрывается как внутренняя достоверность «я хочу». Арендт сближает свою трактовку с кантовским пониманием свободы и воли как практического разума: «Здесь речь идет о Воле как об источнике действия, т.е. как о способности "безусловно начинать новый ряд" событий (Кант)»². В контексте опыта самопожертвования трактовка воли Арендт обретает новые и неожиданные измерения. Осознавая необходимой связку воли и разума, сегодня мы должны исследовать также феноменологические аспекты воли. Таким образом, первичными данностями оказываются цели и установки к действию, какие формируются в человеке, сознаются им самим как действенные и необходимые к достижению желаемых целей. В этом отношении важными являются исследования Жака Деррида, показывающего в процедуре когито тождество мышления и говорения для картезианской философии: «В сущности, обходя молчанием поставленную Cogito проблему речи, Декарт, похоже, имеет в виду, что мыслить и говорить — одно и то же»³. В различии между мышлением и волением необходимо отличать мысль от действия. Установка как важнейший элемент проявления воли действенна в преисполненных мотивацией речах, в побуждающих к действиям словах, в разумных убеждениях отказа от действия. Деррида, понимая волю как высказывание гиперболы познания, связывает ее с силой самого слова, решительностью голоса и противопоставляет мышлению, которое задает разумный предел познанию (прогрессированию в безумие). Тем самым, Деррида сближает волю с самопожертвованием (безумием). Но с другой стороны, когито становится отказом от самопожертвования, разумным действием, останавливающим прогресс безумия.

---

²Арендт, Ханна. Жизнь ума. СПб.: Наука, 2013. С.238.

³Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого и С. Фокина. Сост. и общая ред. В. Лапицкого. СПб.: «Академический проект», 2000. С.76.

«Верность верности» — термин философии Алена Бадью — есть не что иное, как воля к воле. Смысл концепта состоит в устойчивом полагании себя как бессмертного существа (человека), захваченного процессом истины (любви, науки, искусства и политики). Бадью активно пользуется понятием воли в анализе событий XX века, проходящих под знаком страсти к реальному, называя век волюнтаристским, на рубеже которого стоит философия Ницше. Воля в верности событию всякий раз подлежит уникальному именованию, так или иначе сопрягается с опытом жертвенности.

Тема информационного технологического общества, в котором человек становится его жертвой, исследуется в трудах С.Г. Кара-Мурзы, Б.В. Маркова, В.В. Савчука, Б.Г. Соколова, Е.Г. Соколова, Дж. Агамбена, Ж. Бодрийера, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, С. Жижека, М. Маклюэна, Г. Маркузе, Ж.-Л. Нанси, Х. Ортеги-и-Гассета, Э. Тоффлера. Критика философии классического рационального субъекта, на фоне которой проясняется смысл практического технологического завоевания мира (воля к господству, воля к насилию, идеология общества знания как воля к истине) развивается в работах Т. Адорно, Х. Арндт, В. Беньямина, М. Фуко, М. Хоркхаймера.

Непосредственной проблеме свободы воли и моральной ответственности посвящены исследования отечественных ученых и философов: В.В. Васильева, Д.Б. Волкова, И.Д. Джохадзе, С.М. Левина, А.С. Мишуры, Д.Н. Разеева, М.А. Секацкой. К зарубежным относятся исследования Р. Кейна, А. Мили, Д. Перебума, М. Равиццы, Д.М. Фишера, Г. Франкфурта, Дж. Уоллеса.

Предмет исследования.

Феномен самопожертвования, взятый в перспективе проявления воли человеком.

Объект исследования.

Философские концепции воли, литературные сюжеты, с разных сторон затрагивающие вопрос о воле к самопожертвованию.

Цели и задачи исследования.

Цель исследования – раскрыть феномен самопожертвования человека с опорой на описание таких состояний активности человека как воля и энтузиазм.

Поставленная цель требует решения следующих задач:

1. Раскрыть феномен воли, опираясь на базовые условия ее проявления – наличие цели и установки к действию.
2. Представить подвиг высшим проявлением человеческой воли.
3. Определить позитивный и негативный смысл жертвы в современном мире.
4. Раскрыть феномен самопожертвования, опираясь на смысл человеческого подвига.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Воля феноменологически представлена в ключевых условиях ее проявления – наличия цели и установки к действию.
2. Представлена теоретическая основа для концептуализации подвига.
3. Определена оппозиция насилие-жертва-жертвоприношение, раскрывающая критический смысл жертвы (результат насилия) и ее утверждающий смысл (жертвоприношение). В логике жертвоприношения определен вопрос воли к самопожертвованию.
4. Разработан концепт жертвы как самоотдачи в совершении человеком подвига как учреждающего этику поступка.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Теоретическая значимость работы раскрывает перспективы объединения философии и конкретных научных исследований (психологии, нейрофизиологии и когнитивных наук). Как правило, философская критика понятия воли в конкретных науках сводится к произвольной трактовке воли учеными, объединение же усилий требует общего пространства взаимодействия, чему стремится способствовать диссертационное исследование.

Предложенная трактовка воли как энергии открыта анализу художественного опыта осмысления воли. Исследованием открыта перспектива объединения философии и литературоведения, филологии. Феноменологическая интерпретация воли объединяет своими общими рефлексивными понятиями конкретные науки и философию, сохраняя экзистенциальное видение проблемы и подступ к этическим установкам, представляет теоретические основы для философии жертвы.

Практическая значимость работы состоит в использовании материала диссертации для разработки лекционных курсов и составления учебных пособий по онтологии, этике, эстетике, истории и теории искусства, теории медиа.

Методология и методы исследования.

Методом исследования является феноменологический анализ. В работе применен метод формализации для решения вопроса о сущности воли. Критический метод используется для разграничения позитивного и негативного смысла жертвы. Диалектический метод направлен на раскрытие философии самопожертвования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Воля — это энергия, требующая своих полюсов напряжения в экзистенциальной ситуации: цели и установки к действию.
2. Проявление воли как энергии раскрывает ее необходимую связь с разумом. Здесь возможны (нейро)физиологические, когнитивные и психологические исследования деятельности мозга, работы психики, поведения человека, проявляющего волю.
3. Концептуализация подвига означает переход от феноменологии воли к этике, когда подвиг определяется главным учреждающим этику поступком.
4. Вопрос о воле к самопожертвованию определяет смысл принесенной жертвы как самоотдачи ради Другого.

Степень достоверности и апробация результатов.

Осмысление положения современного человека как жертвы медиа поддается осмыслению в медиафилософии, (В.В. Савчук) полагающей

существование человека в медиареальности («медиа внутри нас»). Мир медиа игнорирует исторические основания разнообразных культур, представляя для человека вселенную образов массовой культуры. Для атомизированного общества необходим технологический контроль и поставка новых зрелищ. Таким образом, медиа становятся средствами властного дистанционного управления человеком и извлечения прибыли.

Концепция работы, ее темы, отдельные вопросы стали предметом выступления и обсуждения на научных конференциях, организованных в рамках Дней философии в Санкт-Петербурге в 2015 году («Медиасреда: поле битвы или стихия взаимопонимания?», «Ницше-семинар») и в 2017 году («Медиарациональность: технологии конструирования», «Антропология революции»). Проблемы исследования (свобода воли, жертвенность) обсуждены на круглых столах философской школы в Москве («Грамматика постсовременности») с участием отечественных и зарубежных мыслителей (В. Вахштайн, С. Жижек, Э. Кальп). В рамках педагогической практики по отдельным темам исследования прочитаны лекции и проведены семинары в учебных группах культурологии и философии. Основные положения диссертации изложены в публикациях отечественных журналов. Количество публикаций по теме: 4.

Структура диссертации

Работа состоит из введения, 2 глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 16 наименований. Общий объем диссертации — 34 страницы.

Глава 1 Философские тезисы о воле

Понять, что такое воля и дать определение воли – задачи, которые могут решаться философией в кругу своих предельных вопросов. Для определения и понимания воли для философии исторически существовало своего рода вспомогательное средство или скорее, ведущая тема, именуемая благом, переводящая размышления о воле под ведомство этики. Этот переход несет за собой свои трудности, когда понимание сосредотачивается на главной компоненте определения – разуме, и воля становится тогда разумным стремлением или способностью разума к осуществлению блага: «Ум же, совершенно очевидно, не движет без стремления (ведь воля есть стремление, и, когда движение совершается сообразно размышлению, оно совершается сообразно воле)...приводит в движение всегда предмет стремления, но он есть либо [действительное] благо, либо благо кажущееся, и притом не всякое, а подлежащее осуществлению»⁴. Трудность определения воли, в центре которого стоит разум, состоит в том, что благо представляет собой то или иное высшее состояние, к которому стремится сам разум, и достижение блага является целью разума, в чем человек находит покой (успокоение), представляющие собой антипод воли. Так и Кант пишет, что установив нравственный закон в качестве определяющего основания воли,

---

⁴Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т.1. Ред В.Ф. Асмус. М., «Мысль», 1976. –С.443.

разум продолжает поиски высшего блага для самого себя: «Как чистый практический разум он также ищет безусловное для практически обусловленного (зависящего от склонностей и естественных потребностей), и притом не как определяющее основание воли; когда это основание уже дано (в моральном законе), он ищет безусловную всеполноту предмета чистого практического разума под именем высшего блага»⁵.

Выходит, что в определении воли разум ищет свой интерес, оставляя позади саму вещь и сам феномен воли ради своего блаженного состояния. Разум использует волю для достижения блага, отказываясь от воли, достигая заветную цель. Таким образом, чтобы обратиться к самой вещи, поиск определения воли нужно связать с феноменологическим анализом воли и выявлением и описанием способов проявления воли человеком ради ответа на вопрос «что такое воля?». Проблема феноменологического анализа воли предлагает философский жест, свободный от историко-философского анализа, могущего превратиться в метафизический анализ, ищущий прямой доступ к феномену воли, могущий вследствие этого подступиться также к метафизике. Актуальность поставленной проблемы заключается в раскрытии множественности тех экзистенциальных ситуаций и способов, как человек проявляет свою волю.

В проявлении воли уже даны два ключевых элемента, из которых выводятся все возможные способы ее проявления человеком: цель и установка к действию. Взаимодействие и взаимоотношение цели и установки раскрывают для человека смысл готовности действовать. Если цель и установка составляют тождество друг другу, то это означает, что волю необходимо проявлять здесь и сейчас: сама цель не находится в будущем, но реализуется в качестве установки. Человек проявляет волю, покуда имеет цель и мотивацию быть готовым действовать не только здесь и сейчас, но и впредь. Назовем этот способ самообладанием, при наличии всех его

---

⁵ Кант И. Критика практического разума. // И. Кант. Сочинения. В 8-ми т. Т.4. – М.: Чоро, 1994. – 504 с.

возможных эквивалентов: стойкость, твердость, неодолимость, выдержка и т.д. В самообладании человек показывает свою готовность действовать, но само самообладание при этом действием не является (под действием мы будем понимать конкретный его вид - совершение поступка). Тогда проявление воли как готовности терпеть боль станет частным определением воли (так Чехов, равно сознавший свою чахотку, до конца жизни сохранял самообладание перед болезнью, практически отказавшись от лечения, более того превратив свою болезнь в предмет размышлений).

Следующий тип взаимодействия и взаимоотношений установки и цели в готовности действовать дает больше свободы человеку, по сравнению с самообладанием, зачастую связанным с необходимым проявлением воли, точнее позволяет поставить вопрос о свободе. При самообладании цель тождественна установке, которая реализуется здесь и сейчас. Проявление воли в пределе всегда связано с достижением цели, однако цель уже может быть достигнута принятием решения, виртуально. Иными словами, цель уже содержится в решении, достигается принятием решения, уже обретением уверенности в исполнении самого решения. Решением открывается путь к цели, горизонт и перспектива действий. Если цель достигается принятием решения и становится самим решением, тогда процесс достижения цели становится поиском решения или решений, из чего извлекается установка поиска. Так раскрывается второй способ, каким человек может проявлять волю: искать и находиться в поиске решений. Назовем этот способ по его основному качеству: решительность. Решительность есть готовность действовать. Решительный человек готов действовать, потому что готов искать и принимать решения, рискуя своей свободой или даже жизнью (частное определение воли как риска собственной жизнью). Иной раз исполнение решения (действие) оказывается легким или простым по сравнению с трудностью решения. Решительность говорит о том, что человек не останавливается и не прекращает свои поиски на каком-то из решений, но всегда готов к поиску решений. К примеру, Аристотель по поводу этого

говорит так: «Поиски отличаются от принятия решений, потому что принятие решений – это один из видов поисков»⁶.

Если в качестве вектора представить существование человека, куда входят стремления, побуждения, намерения, существующие в нем и вокруг него в социуме (далее – историческом и политическом пространстве, этике), то свободный выбор предстает всегда на этом векторе величиной, имеющей свою значимость для существования человека и его самоидентичности. Так масштаб личности возможно определить по величине свободного выбора (между чем выбирает человек, каковы его риски и довлеющие обстоятельства, какова его альтернатива, каково для него будущее и т.д.) Выстроенный в качестве системы или структуры свободный выбор в векторном существовании говорит о наличии практик субъективации и субъективности. В математике такую величину называют тензором: «тензор - величина, которую на любом базисе векторного пространства можно представить в виде системы чисел (компонент)»⁷. Превращение математического понятия в философское обращает к родовому многообразию тензора свободы и свидетельствует о присутствии субъекта, в чем человек реализует свою человечность (так французский философ Ален Бадью произвел различение субъекта: научный, художественный, любовный и политический, в чем можно констатировать видовое многообразие тензора). Наоборот, отсутствие тензора свободы свидетельствует о наличном существовании человека в мире объектов в качестве объекта той или иной системы (соответственно, лишая его воли). Слово тензор происходит от латинского *tensus* (напряженный), далее от греческого *τόνος* (веревка канат, натяжение, напряжение, сила мощь или энергия, направление)⁸. Смысл

6 Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т.4 / Пер. с древнегреч.; Общ.ред. А.И. Доватура. – М., Мысль, 1983. –С.182.

7Каазик Ю.Я. Математический словарь. – Таллин: Валгус, 1985. – С.243.

8 Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2-х томах. Том 2. Сост И.Х. Дворецкий. Под ред. проф. С.И. Соболевского. М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – С.595.

тензора на философском языке означает напряжение между выбором, поиск альтернативы путем размышления, сомнения или разумного убеждения.

Следующий способ, каким человек способен проявить волю, раскрывается исходя из предыдущего. Для самообладания цель и установка замкнуты друг на друге в необходимой ситуации проявления воли, а для решительности цель достигается виртуально напряжением между процессом достижением цели и принятием решения. Если решительность проявляется в свободном выборе, то возможно также достижение цели выбором определенного момента времени для действия. Тогда готовность действовать становится подготовкой к этой цели, куда входят уже самообладание и решительность, но сами они все же теперь подготавливают действие, совершение поступка. Поступок есть процесс напряжения между целью и действием, приводящий к ее достижению, так что воле можно дать определение точного целевого действия. Поступок исходит из тех обстоятельств, которые поставлены решением к преодолению. Давление этих обстоятельств может быть связано не только с реальной болью или страданиями, но осознается интеллектом человека как должное быть преодоленным. Тогда воле, с точки зрения действия, можно дать определение как целевого действия, исходящего из преодоления обстоятельств.

Результат феноменологического анализа – выявленные способы проявления воли. Иными словами, если человек способен проявить волю, то она проявляется либо в самообладании, либо в решительности, либо в поступке или подвиге. Проблема подвига в мире человеческих действий заключается в повторяющейся и воспроизводимой эстетизации данного проявления воли. Подвиг, несущий на себе такие имена как жертва, смерть и готовность умереть, высшее дело, всегда становится объектом спекуляций различных идеологий, которые под громкими словами представляют тот или иной поступок, идеологически выгодный для власти. Страдает тенденциозностью и эстетизация подвига во время войн. Потому, с философской точки зрения, необходимо обращаться к подвигу как феномену

проявления человеческой воли, к исследованию того, что есть подвижнический образ жизни (пример такового – жизнь Андрея Платонова, поставившего творчество главной целью, подчинившей всю остальную деятельность). Проведенный феноменологический анализ подходит к этой задаче выявлением возможных способов проявления воли, из которых складывается подвиг. Основной вывод мы зафиксируем в качестве введенного концепта воли как подвига.

В качестве заключения следует изложить тезисы, раскрывающие волю как предмет философской рефлексии:

1. Воля является состоянием интеллекта человека в его готовности действовать. Так как воля – это своего рода состояние, то определение воли можно дать, если учитывать все «агрегатные» состояния готовности действовать, действия и осуществленности (реализации установки при достижении цели).

2. Сущностное размышление о воле возможно в том случае, если на место сущности ставится цель, ради чего формируется воля. Процесс достижения цели есть действие установки, отвечающей за способ достижения цели.

3. При наличии цели и установки воля всегда проявляется в той или иной форме. Эта форма, в которой человек реализует свою свободу. Следовательно, свобода является формой форм для воли. Проблема свободы воли – это проблема формы (ее складывания из цели и установки), в которой проявляется воля человека (благо, добродетель, красота, власть, нравственный закон и т.д.). В русском языке, менталитете происходит отождествление воли и свободы, растворение воли в своей форме («вольному воля, спасенному рай»)

4. Свобода, не имеющая формы (образа, идеи, мечты, истины) или теряя свою форму, превращается в распущенность, в чем человек дает волю удовольствиям, слабостям, страстям, происходит деформация личности,

наступает турбулентное состояние сознания, выступание навстречу бессознательному.

5. Тензор свободы – это форма, в которой концентрируются риски человека, его альтернативы, довлеющие обстоятельства, желания, в конечном счете, его будущее. Математический тензор (величина на векторном пространстве, представленная в виде системы) становится философским тензором (поиском формы, формированием свой субъективности). Субъективность формируется в процессе напряжения между поисками решений и стремлением к цели, между поступком и целью, где форма обретает свой вид в тождестве с целью. Тогда метод формализации есть извлечение всех форм, в которых проявляется воля человеком.

6. Смерть как форма (цель) для воли заключает в себе риск собственной жизнью (решительность), жертвенное устремление к цели (подвижнический образ жизни), зависание на пороге между жизнью и смертью (поиск своей бытийной альтернативы).

7. Базовым способом, в котором человек проявляет волю, базовым состоянием его готовности действовать является самообладание, в котором цель достигается реализацией установки (терпение боли, перенесение страданий, преодоление кризисного момента, противостояние инстинктам). Самообладание является ипостасью человека, в чем воля существует в качестве жизненной энергии.

8. Безволие есть деформация человеческой субъективности, следствием которой являются отсутствие общей формы бытия (разобщенность, отчужденность), конформизм, предполагающий униформу обыденности, стремление к комфорту с изъятием смерти как формы, причастной к производству субъективности (готовность умереть для своего общества). Практики эвтаназии, обезболивающих средств, виртуального общения, технологий медиа, действующих в режиме постидеологии, усиливают деформацию субъективности.

Глава 2 К феноменологии самопожертвования в политическом и творческом энтузиазме

Раскрытие связи и различающего единства понятий воли к самопожертвованию и жертвы, сегодня является философской, в перспективе – политической и этической задачей. В самопожертвовании проявление воли и совершение жертвы должны быть различены в составе участников события во избежание двусмысленностей, за которым может стоять неверно понятый смысл жертвы: кто проявляет волю, во имя чего и для кого, так что проявление воли переходит в самопожертвование, открывающее феномен жертвы как таковой. Самоопределение (кто я, переходящее в кто мы?), цели человеческого существования, бытийная ориентация целей – вопросы, которыми уместно обставить идею самопожертвования, на которую сегодня может ориентироваться философия жертвы, как на маяк или главную тональность человеческого бытия, имя которому – подвижничество, состояние которого – энтузиазм.

Однако решение поставленной задачи встречает на своем пути существенное препятствие. Трудность в ее исполнении заключается в том, что реальность сего дня, особенно взятая в исторической перспективе двадцатого столетия, располагает и принуждает к другой позиции по отношению к конечным (для задачи) смыслам воли и жертвы. Через эту позицию их сталкивают друг с другом, посредством исторической критики вынося решающий приговор. Его суть – воля к власти, отличает европейскую цивилизацию в стремлении к наращиванию мощного разрушительного потенциала посредством военного технологического оснащения, научного прогресса, ориентированного на культ техники. Реализация этого потенциала, исторически потребовавшая жестких политических режимов и идеологий,

через осуществление насилия и покорения других культур и народов также внутри самой Европы, своим итогом имеет многомиллионные жертвы. Здесь понятия воли и жертвы оказываются скованными единой судьбой, которая следом привела их к однозначным для морального сознания смыслам: воля – стремление к мировому господству, жертвы – результат тотального насилия в этом стремлении.

Философская критика, напротив, проявляет гибкость в отношении смысла воли к власти и насильственных жертв; она демонстрирует свою живость мысли и творческую силу ума. Идея воли к власти у Ницше как ее главного автора допускает в силу своей противоречивости множественность интерпретаций (от эксперимента, допускающего уничтожение мира до стремления к возвращению человечности в человеке, пусть и через сверхчеловека), которые могут даже противоречить друг другу. Вокруг идеи очерчен круг со своим критическим философским ядром (М. Хайдеггер, Х. Арндт, Ж-Л.Нанси), включающий в свою орбиту судьбы двадцатого столетия, перспективы и альтернативы человеческого будущего. Аналогично и М. Фуко в глубоком проникновении в историю Европы вывел такие критические понятия как воля к знанию, воля к истине, отражающие жесткость и насильственность институциональных практик, основанных на ценностях европейского общества. Понятие же насильственной жертвы для философской рефлексии требует первичного различения и отличия понятия и смысла жертвы от феномена насилия: «Если есть реальность насилия, то нет жертвы, тем более святой жертвы, и наоборот»⁹. Всегда необходимо проследивать логику, из которой высказывается сущность жертвы (логика жертвоприношения): сегодня за этим понятием стоит предельная степень ответственности в его использовании: «Сущность жертвы – в предельной искренности, в святости, в абсолютной достоверности трансцендентной реальности для жертвы и участников ритуального жертвоприношения, в ее

---

⁹Савчук В.В. Кровь и культура. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1995. С.61.

значимости в качестве самого эффективного способа как стабилизации и сохранения существующего порядка и устройства жизни, так и в плане ее преобразования»¹⁰. Выстраивается оппозиция понятий «насилие-жертва-жертвоприношение (с опорой на идеи В.В. Савчука): жертва в логике насилия является критическим понятием; в логике жертвоприношения раскрывается сущность жертвы, ее жизнеутверждающий смысл. Жертва как предмет философской рефлексии имеет две логики раскрытия своего смысла. Исследование феномена насилия обретает свой критический характер, обрастая смыслами вокруг критики капитализма в эпоху медиа, несущими по всему миру весть о мгновенном распространении информации, что несет новый виток прогресса человеческому сообществу, за которым обнаруживаются новые виды и практики насилия. Человек сегодня встречается с жертвами в сводках новостей, демонстрирующих все новых жертв катаклизмов, преступности, терроризма, воли случая и т.д. И менее всего человек готов сегодня жертвовать собой. Доминирующим опытом жертвенности сегодня являются самоубийства, вхождение в террористические организации, осваивающие свою территорию смысла жертвы.

Проблема исследования формулируется как определение смысла жертвы с опорой на феномен воли к самопожертвованию. Формулировка проблемы определяет и подчеркивает актуальность исследования: продвижение опыта философской рефлексии в осмыслении феномена самопожертвования, создание теоретической базы и опытной почвы для разработки концептов, актуализующих бытие человека, посредством которых возможно духовное противостояние миру антропологического (далее этического, политического и эстетического) запустения. Актуальность концепта самопожертвования обнаруживает свое родство с идеей жертвоприношения: «Ныне проблема условий и способа существования культуры – диаметрально противоположна (отказу цивилизованного мира от

---

¹⁰Там же. С. 60.

жертвы): каким образом сделать идею жертвоприношения как условия существования культуры понятной и доступной? Как и по каким каналам приостановить жертвы цивилизаторские и открыть жертвы культурные?»¹¹. Диалог с имеющейся философской критикой жертвы предполагает занятие собственной позиции, подступ к которой возможен через прыжок из царства необходимости критики в царство свободы самопожертвования. Этот прыжок своей точкой отталкивания имеет предположение, что феномен воли не ограничен своим проявлением в качестве воли к власти, подчеркивающим судьбу Европы Нового времени. Прыжок осуществляется в ориентации и направлении к феномену жертвы через опыт самопожертвования, взаимосвязанное раскрытие которых и есть конечный пункт исследования.

Искони воля философской мыслью находила свою порождающую причину в разуме: «Ведь в разумной части души зарождается воля, а в не основывающейся на разуме – желание и страсть»¹². Желания и страсти в своих потоках стихиях, импульсах, спонтанностях, наличие иных стремлений и побуждений говорят о наличии довлеющих обстоятельств, в которых должна быть и может быть проявлена воля. Имея порождающее начало воли в разуме и довлеющие обстоятельства, можно составить экзистенциальную ситуацию, в которой проявляется воля. Воля не тождественна разуму, так как проявление воли возможно в мире, реальность которого проникает в сам феномен воли, которая также должна быть осмысленной. Воля представляет собой род и вид интеллектуальной энергии, которая имеет свои полюса, между которыми происходит специфическое волевое напряжение (что обычно называют процессом достижения цели), освещающее экзистенциальную ситуацию, упорядочивая ее обстоятельства, разрешая трудности, останавливая потоки влечений, утверждая бытие человека. Этими полюсами экзистенциального напряжения являются цель (воли вне цели не существует: если человек проявляет волю, то он проявляет ее ради чего-то и

---

¹¹Там же. С.63.

¹²Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т.1. Ред. В.Ф. Асмус. М., «Мысль», 1976. С.441.

во имя чего-то) и установка к действию (сосредоточенность сознания, его собранность в одну точку и позицию). Итак, воля проявляется в экзистенциальной ситуации напряжения между целью и установкой. Такие экзистенциальные напряжения (речь идет об экзистенциальной трактовке воли) проявляются в самообладании, решительности и поступке в их предельном выражении, которое можно назвать подвижничеством в каждом способе проявления воли. Так проявление воли оказывается связанным в своем подвижническом аспекте с феноменом самопожертвования. Если цель достигается сохранением равновесия, готовностью удерживать установку собранной в последующий момент времени, пока длятся довлеющие обстоятельства, то это тождество цели и установки в ддящийся период времени, обеспечивающее сознанию его устойчивость и форму (внутреннее тело сознания), есть проявление воли, которому можно дать имя самообладания.

Исследуем довлеющие обстоятельства сего мира, определенного в эпохе новых медиа, раскрывающих новые формы насилия (В.В. Савчук). Потоки информации о бесконечных жертвах, нагоняющих едва различимое угнетение, действующее на сознание оттого еще сильнее в его едва обозримой деформации, потоки бесконечных образов, парализующих воображение и сознание человека в его адекватном видении самого себя, настоящего и будущего, искажающих до неузнаваемости восприятие других, чреватое конфликтной ситуацией непонимания. Чтобы в таких обстоятельствах проявить самообладание, необходимо вооружиться разумом, способным к тонкому и точному анализу действительности во всех ее тупиках и сложностях: «Один из важнейших вопросов медиафилософии, как можно сопротивляться потреблению информации, которая ежедневно искушает повышением градуса сенсации, скорости предъявления события, катастроф и ужасов?... «Побочным» эффектом медиареволюции является новая форма насилия, смысл которой в поддержании нормативного режима

иллюзии легкости, доступности, скорости»¹³. Реальность, осознанная как медиареальность, говорит и о следующем: универсальная сообщаемость всего со всем посредством медиа располагает возможностью к трансляции опыта, к сообщению проявленного самообладания другим в его актуальных формах и способах сознания свободы. Средством личного общения или экзистенциального этического и политического утверждения, перформанса как художественного события, возможно сообщить другим свой опыт проявления воли, передать другим свой опыт свободы, который теперь, найдя отклик в других, перестанет быть индивидуальным опытом, но включится в коллективный опыт свободы. Чем искреннее и личностно полнее я смогу передать свой опыт, тем глубже он окажет воздействие на других в нашем коллективном опыте свободы: «Искренность художника постинформационной эпохи не переходит в качество искренности произведения, в митьковскую наивность. Она остается внутренней интенцией, мотивом к творчеству и выражению, искренностью сопереживания миру близкому, окрестности»¹⁴. Мир в эпоху медиа, в своей изнанке медиареальности, показывает возможности для самоопределения, которое не замкнуто на одном индивидуальном сознании, но является миссией всех тех, кто способен собраться в сообщество. Быть открытым миру, значит быть готовым к самопожертвованию и отклику, пониманию жертвы, искренне совершенной другим.

Подвижничество характеризует качественно экзистенцию человека в его целеустремленности – энтузиазм. Подвижничеством в самообладании является победа над самим собой, над своими страстями (чему хороший пример – философия стоиков), в решительности – готовность действовать, что продвигает человека далеко в будущее в сознании альтернативного коллективного способа бытия. Жертвовать (рисковать) в решительности

---

¹³Савчук В.В. Новые медиа – новые формы насилия//Санкт-Петербургский государственный университет. 2017. URL: philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/SAVCHUK (датаобращения: 9.11.2017). С.8,9.

¹⁴Савчук В. Конверсия искусства. СПб.: Петрополис, 2001. С.24.

человек может своим самообладанием, своей самодостаточностью и индивидуальностью. Однако это еще не вполне артикулированный опыт самопожертвования, дело касается возможности опыта, его начальных стадий. Решительность в единстве с самообладанием подготавливают новое раскрытие феномена воли, которое может осуществить сознание не просто в своей установке готовности действовать, но уже само действующее в своей решительности сознание. Действие является самой установкой сознания, которое достигает своего напряжения с целью, будучи собранным вокруг цели. Здесь воля проявляется в поступке, который сам, в конце концов, становится целью и благом для сознания. Но поступок в своем критерии подвижничества и проявления энтузиазма человека и есть подвиг как таковой, высшее измерение человеческого духа и присутствия, динамический способ бытия, раскрывающий человечность человека в его стремлении к обитанию в горних мирах.

Цель, осуществляемая в подвиге, разделена в своем бытии: она принадлежит участникам события подвига, его действующим лицам и Другому, ради которого совершается подвиг. Опыт самопожертвования раскрывается в переносе своих сознательных действий по достижению цели к жертвованию ради Другого, в стремлении к полной самоотдаче. Исследуя феномен подвига, можно определить этого Другого, для бытия которого осуществляется жертва. Таким Другим может быть человеческое сообщество, организованное в иной альтернативный способ бытия в самополагании себя в будущее. Здесь подвиг – это политический поступок, а Другой выступает как истинное единство человеческого сообщества. Диалог «Государство» Платона целиком и полностью посвящен феномену политического поступка, который состоит в том, что к власти должны прийти философы, чтобы организовать государство на добродетели справедливости, вырастающей из личного начала в каждом человеке, обретающего добродетели рассудительности, мужества и подходящего к измерению истины, отвечающего всеобщему благу и подлинному бытию. Этот поступок

включает в себя как свободный выбор, так и долженствование, осознанное как своя собственная миссия: «Так вот, хорошие люди потому и не соглашаются управлять – ни за деньги, ни ради почета: они не хотят прозываться ни наемниками, открыто получая вознаграждение за управление, ни ворами, тайно пользуясь его выгодами... они приступают тогда к управлению не потому, что идут на что-то хорошее и находят в этом удовлетворение, но по необходимости, не имея возможности поручить это дело кому-нибудь, кто лучше их или им подобен... Я скажу, что все справедливые люди с летами становятся правителями в своем государстве, если им этого хочется»¹⁵.

Осуществление события истины в политическом изобретении является идеей современного французского философа Алена Бадью. Опытной и феноменальной почвой для Бадью является как раз философия Платона, в которой философ обнаруживает наличие всех четырех истин, благодаря которым возможна философия как таковая (истины политики, искусства, науки и любви). Бадью испытывает политическую практику человечества на предмет политической истины и вносит в нее Великую Французскую революцию, Октябрьскую Социалистическую революцию в России, культурную революцию в Китае и события мая 1968 года во Франции, которому политически верен сам Бадью. «С определенным событием связана определенная Идея, поскольку событие – это общее имя этой новой возможности. Например, у Французской революции было три великих идеи... а именно: свобода, равенство, братство. Идеей большевистской революции был коммунизм у власти – пролетарской партийное государство»¹⁶. Выделим здесь этический и экзистенциальный момент подвижничества и самопожертвования на конкретном примере. Советский писатель Андрей Платонов, проходя через жесткие гонения официальной

¹⁵Платон. Государство. Сочинения в четырех томах. Т.3 / Под общ.ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. С.128,484.

¹⁶Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью/Перевод с французского – Институт Общегуманитарных исследований, 2013. С.23.

критики и жесткость сталинского режима и сталинских времен, отразившихся в его творчестве в повестях «Котлован», «Епифанские шлюзы», критикуя наивный коммунизм в романе «Чевенгур» и научную волю к технологическому освоению мира («Эфирный тракт»), остался верен идеалам революции и будущей мечте о новом будущем, что раскрывает человечность человека. Поздний период творчества писателя отмечен повестью «Джан», в которой мечта остается действительной при всех сомнениях разума: «Осталась ли в народе хоть небольшая душа, чтобы действуя вместе с ней, можно совершить общее счастье? Или там давно все отмутилось и даже воображение – ум бедняков – все умерло?.. Чагатаев знал... что всякая эксплуатация человека начинается с искажения, с приспособления его души к смерти, в целях господства, иначе раб не будет рабом»¹⁷. Сам Платонов пережил поворот в своей жизни (проявил решительность), абсолютно посвятив себя творчеству, обратившись от инженерной деятельности к литературе и творческим исканиям духа методом прямого чувства жизни, по выражению самого писателя: «Писать не талантом, а человечеством, сущностью своей... Писать надо не талантом, а «человечностью» – прямым чувством жизни... Сущностью, сухой струей, прямым путем надо писать. В этом мой новый путь»¹⁸. Платонов жил жизнью подвижника, жертвуя своей жизнью (будучи военным журналистом на фронтах Великой Отечественной войны, зарабатывая туберкулез, излагая идеи своих произведений в жестких жизненных условиях) ради возможности истинного единства человеческого сообщества, глубоко укорененного в личности человека, его чувственном, телесном и интеллектуальном опыте.

---

17 Платонов А.П. Джан. Фантастическая повесть [Электронный ресурс]: Платонов А.Потомки Солнца. Рассказы и повести / Послесл. Д. Зиберова; Ил.Н. Раковской. М.: Правда, 1987. URL: imwerden.de/pdf/platonov_dzhan.pdf (дата обращения: 8.11.2017). С.47.

18 Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. Публ. М.А. Платоновой. Составление, подготовка текста, предисл., примечания Н.В. Корниенко. М.: «Наследие», 2000. С. 81, 97, 100.

Рассмотрим и другой вид подвига и жертвы, связанные теперь опытом самопожертвования, в котором энтузиазм нужно понимать в буквальном значении слова (вдохновение бога в человеке). Ядром христианской религии является практика исихазма – мистико-аскетическая традиция духовного опыта восхождения к горнему миру в соединении с божественными энергиями, раскрывающая событие обожения человека. Другим здесь выступает Бог (Христос), а онтологический опыт соединения со Христом раскрывает феномен совершенной жертвы в целостной единой триаде совершенства: жертва-любовь-общение: «Надеясь полнотой всевосприимчивости (то есть общительности) и всевосприимчивости (то есть предоставленности-себя-общению), усовершенное во Христе Иисусе существо человека становится единым пространством, или полем общения... Взятое от греческого глагола «обходить по кругу», понятие обозначает полноту взаимопроникновения, мыслимого динамично и энергично, как непрерывная обоюдная самоотдача. Но это же отношение Божественных Ипостасей, мы знаем, есть любовь, совершенная и Божественная, – что и есть собственно любовь, любовь как таковая, по христианскому пониманию. Полнота же самоотдачи есть, очевидно, совершенная жертва»¹⁹. Опыт ранних христианских подвижников находил отклик в социалистических идеях. Так Энгельс в произведении «К истории первоначального христианства» пишет: «В истории первоначального христианства имеются достойные внимания точки соприкосновения с современным рабочим движением. Как и последнее, христианство возникло как движение угнетенных: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и неправых, покоренных или рассеянных Римом народов... И христианство и рабочий социализм подвергались преследованиям и гонениям, их последователей травили, к ним применяли исключительные законы: к одним – как к врагам рода человеческого, к другим – как к врагам государства, религии, семьи,

---

¹⁹Хоружий. Концепция совершенного человека в перспективе исихастской антропологии. Институт синергийной антропологии. 1995. URL: [www. synergia-isa.ru](http://www.synergia-isa.ru) (дата обращения: 8.11.2017). С.31-32.

общественного порядка. И вопреки всем преследованиям, а часто даже непосредственно благодаря им, и христианство и социализм победоносно, неудержимо прокладывали себе путь вперед»²⁰. Уместно также можно вспомнить активное сотрудничество большевиков и старообрядцев в деле революции.

Итак, подойдем к выводам. Связь между проявлением воли и осуществлением жертвы раскрывается в подвижническом опыте существования человека, предельным проявлением и выражением энтузиазма которого является самопожертвование. В решительности феномен жертвы сопряжен с риском относительно своей возможной самодостаточности и независимости: по истине, здесь еще подготавливается опыт жертвы. Именно в поступке, который в своем предельном осуществлении раскрывает феномен воли – подвиг, осуществляется опыт самопожертвования как высшей самоотдачи. Поступок, в своей цели, разделенной с Другим, осуществляется ради Другого (будь то подлинное народное единство, божественный статус личности, творчество и художественное произведение, собирающее вокруг себя сообщество); трансляция своей целеустремленности к взаимодействию с Другим через самопожертвование и есть опыт жертвы как самоотдачи. Зафиксируем здесь главный концепт исследования. Уместно привести соответствующие определения: воля – это род и вид интеллектуальной энергии, реализующей и выражающей свободу в самополагании. Жертва – предельная самоотдача, которая является другой стороной проявления воли к самопожертвованию, направленная к действию во имя Другого. Сформулированная позиция актуальна для диалога с философской критикой в отношении понятия жертвы, определенного к смыслу тотального насилия и его результатам. Более того сформулированная позиция дает возможность критике пойти дальше и обрушить все свои удары на разоблачение мнимых волевых идеалов, политик и идеологий, за которыми всегда стоят все новые и

---

²⁰Энгельс Ф. К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С.467.

новые жертвы; критика позволяет разоблачить и вытащить наружу комфортное довольство, рабство, лакейство и пресмыкание перед силой, вокруг которой сосредотачивается идеология капитализма и власти, бюрократическая система права и потребительские планы на будущее. Феномен жертвы, раскрываемый в опыте самопожертвования, может стать орудием духовной, политической и этической борьбы за человечество.

Заключение

Представленная выпускная квалификационная работа посвящена актуализации в качестве философского, вопроса о воле к самопожертвованию. Логика исследования, связанная с переходом от феноменологии воли к осмыслению этических оснований бытия человека, определена раскрытием смысла самопожертвования человека, а за ним — самой жертвы.

Феноменология воли раскрывается в модусе воления как модусе человеческого бытия. Воля воплощает личную свободу в усилиях тех, кто готов к творчеству новых форм в бытии (в поэзии, музыке, литературе, живописи, этике, политике, эстетике), кто готов пожертвовать собой ради общей свободы. Тем мощнее становится воля к разрушению старых отживших форм, в которых еще живет и продолжает жить человек. Дистанционное управление человеком в привычных стереотипах поведения, организованных по прямой подчинения всегда становится видимым на фоне новых возможностей творчества. Такими формами подчинения по-прежнему являются государство, рынок, что воплощают сегодня капитализм и идеологию информационного общества. Эти формы также требуют своих жертв. Сегодня мы — невольные жертвы информационного общества.

Во многом для сознания современного человека воля ассоциируется и непосредственно связана с системой права, дающего те или иные возможности для экономических мероприятий, юридических процедур, защиты своих прав, которые, как водится, регулируются (зачастую не

регулируются, давая жизнь произволу) государством. Транснациональные корпорации, стоящие за спиной государств, воплощаются в образе тотальной управляющей системы (или Левиафана), могущей контролировать жизнь каждого человека; для народного сознания эта система означает невидимую волю к насилию, которая противоречит свободе человека и человеческого сообщества. Вследствие этого смысл воли зачастую изымается из опыта политической борьбы, как однозначно маркированный практикой насилия, которое нельзя допускать. Таким образом понимая волю, современный человек оказывается в противоречии с самим собой: он борется против того, в чем сам более всего нуждается. Ничто сегодня так не обременено жупелами, как воля, за которой тянутся обвинения в фанатизме, решенчестве, нацизме, насилии и мировом господстве. Но ничто сегодня так не востребовано, как личная воля, ведь сегодня мы живем при ясном осознании нехватки воли. Аналогично со смыслом жертвы. Человек сегодня встречается с жертвами в сводках новостей и чрезвычайных происшествий, демонстрирующих все новых жертв катаклизмов, преступности, терроризма, воли случая и т.д. И менее всего человек готов сегодня жертвовать собой. Основным сознательным опытом жертвенности сегодня являются самоубийства, вхождение в террористические организации, осваивающие свою территорию смысла жертвы.

Итак, главный вопрос: какое существование сегодня подлежит формализации через мировоззрение и идею, заключающим в себе сущность воли? Если таковым является дистанционное существование человека в его отстраненном от реальности безволии, то поставленные пределы такому отступлению создают возможности для осознания свободы. Свобода осознается в действенных установках, способных собрать волю человека в преодолении отчуждения. Проблема дистанционного существования сегодня касается каждого, поэтому граница, подводящая решительность к поступку, не является прямой линией, но извилистой дорогой, на которую вступает человек. Это вступление начинается с базового опыта самообладания в

формировании своего внутреннего тела, устойчивого к довлеющим обстоятельствам и угрозам современности. С этого опыта как плацдарма строится мировоззрение и активизируется мышление как модус человеческого бытия. Удостоверением общности свободы является жертва. Самопожертвование открывает путь предельному измерению человеческого поступка — подвигу. Самопожертвование не нуждается в единой сакральной жертве, оно высвечивает символом общности те пути, которые проходит человек в решительности своей воли, направленной к подвижническому образу жизни. Самопожертвование способно собрать общество в сознании свободы. Поэтому бытие бытийствует через человека как воля к самопожертвованию. Конфигурация модусов бытия в определенную эпоху составляет формацию, в которой общность человеческого существования смогла быть отмеченной жертвой, самопожертвованием. Замыкаемая на самой себе воля, размыкается к бытию в самопожертвовании, на которое готов человек. Эта возможность сегодня держится на трех вопросах, исходящих из своих модусов: готов ли еще человек к прозрениям в то, что есть (к захваченности процессом истины), готовы ли мы к радикальному усилию мысли, скрепляющему процесс истины с практикой и именованию нашей воли?

Раскрыв логику самопожертвования, которое может осуществить человек, совершая подвиг, мы останавливаемся перед философией воли к самопожертвованию: ведь человек может отказаться от того, чтобы жертвовать собой, так как в нем могут сработать ключевые установки, определяющие его личность. Таким образом, открывается новая перспектива исследования, способная раскрыть обратную логику отказа от жертвы, тем самым вновь обращая вопрошающего к принятой философии.

Список использованной литературы

1. Арндт, Ханна. Жизнь ума. — СПб.: Наука, 2013. — 517 с.
2. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т.4 / Пер. с древнегреч.; Общ.ред. А.И. Доватура. — М., Мысль, 1983. — 830 с.
3. Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т.1. Ред В.Ф. Асмус. М., «Мысль», 1976. — 550 с.
4. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью/Перевод с французского — Институт Общегуманитарных исследований, 2013.192 с.
5. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2-х томах. Том 2. Сост И.Х. Дворецкий. Под ред. проф. С.И. Соболевского. М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. — 872 с.
6. Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого и С. Фокина. Сост. и общая ред. В. Лапицкого. — СПб.: «Академический проект», 2000. — 432 с.
7. Каазик Ю.Я. Математический словарь. — Таллин: Валгус, 1985. — 296 с.
8. Кант И. Критика практического разума. // И. Кант. Сочинения. В 8-ми т. Т.4. — М.: Чоро, 1994. — 630 с.
9. Маркузе Г. Одномерный человек. — М.: «REFL-book», 1994. — 368 с.
10. Платон. Государство. Сочинения в четырех томах. Т.3 / Под общ.ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. 752 с.
11. Платонов А.П. Джан. Фантастическая повесть [Электронный ресурс]: Платонов А.Потомки Солнца. Рассказы и повести / Послесл. Д.

Зибера; Ил.Н. Раковской. М.: Правда, 1987.
URL:imwerden.de>pdf/platonov_dzhan.pdf (дата обращения: 8.11.2017).

12. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. Публ. М.А. Платоновой. Составление, подготовка текста, предисл., примечания Н.В. Корниенко. М.: «Наследие», 2000. 424 с.

13. Савчук В. Конверсия искусства. СПб.: Петрополис, 2001. 288 с.

14. Савчук В.В. Кровь и культура. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1995. 180 с.

15. Савчук В.В. Новые медиа – новые формы насилия//Санкт-Петербургский государственный университет. 2017. URL: philosophy.spbu.ru>userfiles/rusphil/SAVCHUK (дата обращения: 9.11.2017).

16. Хоружий С.С. Концепция совершенного человека в перспективе исихастской антропологии. Институт синергийной антропологии. 1995. URL: www.synergia-isa.ru (дата обращения: 8.11.2017).

17. Энгельс Ф. К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 805 с.